

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Минервин Д.

**ЕПИСКОПСКОЕ
СЛУЖЕНИЕ БЛАЖ.
АВГУСТИНА**

Душеполезное чтение, 1884, II, № 4, с. 377-414

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЕПИСКОПСКОЕ СЛУЖЕНІЕ

БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА.

Краткія свѣдѣнія о жизни Августина до принятія христіанства.— Воспитательное вліяніе родителей и школы.—Увлеченіе манихействомъ.—Состояніе полнаго скептицизма.—Вліяніе проповѣдей Амвросія Медиоланскаго.—Борьба съ сомнѣніями по вступленіи въ число оглашенныхъ.—Просвѣщеніе св. крещеніемъ.—Христіанская истина—основа всей послѣдующей жизнедѣятельности бл. Августина.— Слова бл. Августина при вступленіи его на епископскую кафедру Иппона.—Устроеніе общежитія для клириковъ: строй и характеръ самаго общежитія, отношеніе къ имуществу клириковъ, одежда, общественный столъ, пища духовная.—Темныя стороны въ жизни иппонскаго клира.—Дѣло пресвит. Бонифація, отношеніе къ этому дѣлу иппонской паствы.—Посланіе бл. Августина къ клиру и мірянамъ.— Бл. Августинъ въ дѣлѣ Антонія и Іаннуарія.—Отношеніе къ духовнымъ лицамъ другихъ епархій (иподіакону Викторину, пресвит. Абунданцію, епископамъ: Павлу Катаквасскому, Квадфульдею и Гонорату).—Любовь бл. Августина къ монашеству.—Черты составленнаго имъ монашескаго устава.—Поводъ и цѣль сочиненія бл. Августина: *De opere monachorum*.—Отношеніе бл. Августина къ паствѣ—мірянамъ.—Участіе въ гражданскихъ дѣлахъ.—Охраненіе права церковнаго убѣжища (дѣло Фавенція).—Заботы о больныхъ, вдовахъ и сиротахъ.—Охраненіе церкви отъ ересей.—Письмо къ обращенному изъ аrianства врачу Максиму.—Борьба съ донатистами. Несочувствіе бл. Августина строгости законовъ противъ донатистовъ. Безуспѣшность попытокъ къ взаимному совѣщанію о спорныхъ вопросахъ. Циркумцелліоны. Защита бл. Августинномъ поведенія церкви въ отношеніи къ донатистамъ. Новый взглядъ бл. Августина на мѣры противъ нихъ. Соборъ по дѣлу донатистовъ. Изданіе бл. Августиномъ краткаго обзора соборныхъ совѣщаній и рѣшеній. Благія послѣдствія этого изданія.—Забота бл. Августина о своей паствѣ въ отсутствіи.—Неутомимость въ литературной дѣятельности.—Избраніе помощника Ираклія.—Кончина бл. Августина.—Бл. Августинъ—высокій образецъ истиннаго пастыря.

Четвертый и пятый вѣка въ исторіи христіанской церкви должно считать счастливымъ временемъ, въ томъ отношеніи, что въ означенный періодъ во главѣ христіанскихъ церквей стояли знаменитые пастыри церкви, которые доселѣ остаются достойными удивленія и почитанія. Правда, въ церквахъ Запада мы не видимъ столь значительнаго числа великихъ свѣтилъ христіанства, какъ въ церквахъ на Востокѣ; но нельзя сказать, чтобы Западъ совершенно не имѣлъ ихъ. Среди знаменитыхъ представителей западной церкви видное мѣсто занимаетъ и иппонскій епископъ Августинъ. Жизнь и дѣятельность этого епископа была столь разнообразна и благотворна, что нельзя не поставить его на ряду съ великими мужами церкви восточной. Приступая къ разсмотрѣнію епископскаго служенія бл. Августина, бросимъ напередъ взглядъ на время его жизни, предшествовавшее его епископству и даже христіанству. Это, по нашему мнѣнію, уяснить намъ характеръ его живой, образцовой пастырской дѣятельности.

Съ ранняго дѣтства бл. Августинъ находился не подъ одинаковымъ нравственнымъ вліяніемъ. Это зависѣло отъ различія нравственнаго характера его родителей и неодинаковаго, если не безусловно противоположнаго, взгляда на воспитаніе. Отецъ Августина, принявшій крещеніе незадолго передъ смертію и бывшій всю жизнь оглашеннымъ, заботился только о томъ, чтобы устроить какъ можно лучше внѣшнюю судьбу своего сына и не обращалъ вниманія на воспитаніе его въ духѣ вѣры и благочестія. Мать Августина Моника была благочестивою христіанкой и, не отвергая заботъ своего мужа, старалась утвердить ребенка въ любви ко Христу, сдѣлать его истиннымъ христіаниномъ. Теперь на какую сторону долженъ былъ склониться Августинъ, по природѣ пылкій и впечатлительный юноша? Юное сердце склонилось, какъ и слѣдовало ожидать, на сторону отца. Внѣшній блескъ положенія и мишура свѣтскаго обращенія ослѣпили еще не окрѣпшую, еще не успѣвшую приобрѣсти прочныхъ убѣжденій, душу Августи-

на. Но еще не такъ бы скоро Августинъ вышелъ изъ-подъ благодѣтельнаго вліянія матери, еслибы не присоединилось къ этому школьное воспитаніе, которое не только не слѣдило за чистотой нравственности, напротивъ вліяло даже развращающимъ образомъ (Confess. Lib. 1 cap. XVI. по ст. Жизнь и твор. бл. Август. Кіевъ 1855). Вліяніе благочестивой Монки утратило силу. Августинъ вступилъ на опасный путь. Цѣлый годъ проведя среди общества товарищей, гдѣ добродѣтель была предметомъ насмѣшекъ, а пороки разврата и удалства поощрялись, Августинъ, нравственно расшатанный, отправился въ Карфагенъ. Здѣсь, предоставленный вполнѣ самому себѣ, продолжалъ развиваться въ однажды принятомъ направленіи. вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ развивались и его порочныя страсти. «У меня бытъ, говоритъ онъ,—внутренній гладъ пищи духовной, но я алкаю не тѣмъ голодомъ, ибо искалъ не пищи пестлѣнной». Но первыя впечатлѣнія дѣтства, подъ вліяніемъ матери, не могли пройти безслѣдно,—они должны были подниматься въ душѣ и заявлять о себѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ пресыщался чувственными удовольствіями. Эти удовольствія, какъ бываетъ по большей части въ случаяхъ неумѣренности, перестали удовлетворять его. Къ этому присоединился и расширявшійся все болѣе кругъ познаній. Время уклоненія, заблужденій, дошло до своей крайней точки и вотъ, подъ вліяніемъ воспоминаній дѣтства, начинается возвратъ. Августинъ только теперь сталъ, хотя не ясно понимать пустоту своей жизни, тотъ мишурный блескъ, который онъ, по неопытности, принималъ за настоящій, неподдѣльный, и вотъ онъ ищетъ истины, которая уголила бы его духовный голодъ. Прочитавъ сочиненіе Цицерона *Гортензій* и не удовлетворившись имъ, Августинъ обратился къ священнымъ книгамъ. Но онъ не могъ проникнуться чистою истиной: такъ была извращена его природа; однако чувство или потребность истины говорила въ немъ сильнѣе и сильнѣе. Его жаждающая истины, пламенная душа какъ будто находитъ истину въ ма-

нихействѣ. «О истина, истина, восклицаетъ Августинъ,— какъ искренно стремился къ тебѣ духъ мой всякій разъ, когда они (манихей) говорили о тебѣ на словахъ или въ огромныхъ книгахъ!» Манихейство, повидимому, разрѣшило мучившіе его вопросы своимъ ученіемъ о вѣчно враждебныхъ другъ другу началахъ—добрѣ и злѣ. Когда узнала благочестивая Моника о заблужденіи сына, стала увѣщевать его принять крещеніе. Напрасно: чувство, нашедшее временное удовлетвореніе въ манихействѣ, страшилось, какъ бы не потерять эту истину. Но вскорѣ начинается разочарованіе въ мнимой истинѣ и пробужденіе отъ усыпленія. По окончаніи курса въ Карфагенѣ, Августинъ возвратился на родину въ Тагастъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ престарѣлымъ врачомъ, который, коснувшись однажды астрологіи, столь уважаемой книгами Манеса, убѣждалъ Августина оставить манихейскія басни. Это произвело впечатлѣніе на Августина. Еще сильнѣе подѣйствовало на него перерожденіе одного изъ его друзей послѣ принятія крещенія во время болѣзни. Августинъ сталъ смѣяться надъ своимъ другомъ, но былъ пораженъ удивленіемъ, когда крестившійся, прервавъ насмѣшки, съ благоговѣніемъ заговорилъ о совершенномъ таинствѣ. Наконецъ, одно событіе вполне поколебало Августина—онъ снова почувствовалъ душевную тоску по истинѣ. Въ Карфагенѣ ожидали манихейскаго епископа Фавста, славившагося мудростью и ученостью. Съ нетерпѣніемъ ждалъ этого пріѣзда уже колебавшійся въ манихействѣ Августинъ. Въ бесѣдѣ съ Фавстомъ, встрѣчи съ которымъ жаждалъ Августинъ въ теченіи девяти лѣтъ, онъ думалъ найти укрѣпленіе, но напрасно. Рѣчь Фавста была столь пуста, и настолько самъ Фавстъ оказался невѣждой, что Августинъ вмѣсто желаннаго утвержденія совершенно разочаровался въ манихействѣ.

Отказавшись отъ манихейства, Августинъ вступилъ въ состояніе скептицизма. Онъ потерялъ почти всякую надежду обрѣсти истину. Въ это время полного скептицизма ему

представился случай отправиться въ Медиоланъ, гдѣ должно было совершиться перерожденіе Августина, при посредствѣ бывшаго тамъ епископа Амвросія. «Ты вель меня къ нему, Боже мой, восклицаетъ Августинъ,—безъ моего сознанія для того, чтобы онъ привелъ меня къ Тебѣ съ моимъ сознаніемъ». Сначала Августинъ слушалъ Амвросія только какъ оратора; но «когда я такимъ образомъ, говоритъ онъ,—старался внимать не тому, о чемъ училъ онъ, но какъ училъ (ибо я уже рѣшительно отчаялся найти путь къ Тебѣ, Боже мой!); тогда вмѣстѣ со словами, которыя мнѣ нравились, проникали въ душу мою и самые предметы рѣчи, о которыхъ я не заботился. Открывая сердце для краснорѣчія его, я мало-по-малу начиналъ ощущать и силу истины». Подъ вліяніемъ живой проповѣди Амвросія, Августинъ мало-по-малу освобождается отъ своего скептицизма. Съ церковной кафедры онъ слышитъ разрѣшеніе томившихъ его вопросовъ. Онъ слышитъ здѣсь о возможности доказать истинную католическую вѣру и по разуму, слышитъ исторію сотворенія человѣка, слышитъ, что «письма убиваютъ, духъ животворитъ». Но вышедши изъ состоянія скептицизма и сдѣлавшись оглашеннымъ, Августинъ не вполне довѣряетъ открываемой ему истинѣ. «Я былъ тогда, говоритъ онъ,—подобенъ такому больному, который, потерпѣвши отъ худаго врача, боится поручить себя и хорошему». Разъ впавши въ заблужденіе, онъ сдѣлался недовѣрчивъ, и вотъ теперь не вдругъ принимаетъ истину, но хочетъ идти къ ней путемъ разумнаго убѣжденія. Августинъ борется съ часто возникающими сомнѣніями, ищетъ разрѣшенія вопроса о злѣ и отъ чтенія философіи неоплатониковъ переходитъ къ чтенію Евангелія Іоанна. Такимъ сложнымъ путемъ онъ приходитъ, наконецъ, къ истинѣ. «Я не могъ болѣе извиняться тѣмъ, что не знаю истины, говоритъ онъ,—нѣтъ, истину я позналъ, но, привязанный къ землѣ, отказывался воинствовать для Бога» (Conf. Lib. VIII cap. I—V). Оставалось только сдѣлать рѣшительный шагъ. Однажды, волнуемый

душевною борьбой, онъ выходитъ въ садъ и здѣсь, среди скорбнаго вопля ко Господу, слышитъ дѣтскій голосъ: возьми и читай. Этотъ голосъ, повторившійся дважды, возмущенная, но готовая къ истинѣ, душа принимаетъ за повелѣніе Божіе взять и читать въ священной книгѣ то, что откроется. Августинъ послѣшно идетъ, открываетъ Апостолъ и читаетъ: «якоже во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пьянствы» и т. д. (Рим. 13, 13). «Тотчасъ, но окончаніи стиха, говоритъ Августинъ,—необыкновенный свѣтъ спокойствія пролился въ мое сердце и разогналъ тьму сомнѣнія». Принявъ крещеніе, Августинъ почувствовалъ блаженное обновленіе борьбой дошедшаго до истины духа. «Исчезли прежнія смущенія, пишетъ онъ, я не могъ насытиться тогда дивною сладостью размышленія о высотѣ совѣта Твоего въ дѣлѣ спасенія рода человѣческаго»... При пѣніи церковныхъ пѣсней, «истина проливалась въ мое сердце, а отъ истины воспламенялось чувство благоговѣйной любви, и слезы струились и сладко мнѣ было плакать сими слезами» (Conf. Lib. X, cap. VI). И такъ Августинъ, наконецъ, обрѣлъ то, что такъ долго и доселѣ тщетно искалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь онъ долженъ былъ предаться этой истинѣ всѣми силами своей души, полюбить ее, хранить ее въ чистотѣ, быть готовымъ пожертвовать за нее своею собственною жизнью. Кто знаетъ,—еслибы Августинъ не прошелъ этой долгой борьбы, сомнѣнія въ истинѣ, то могъ ли бы онъ въ послѣдствіи быть такимъ ревностнымъ поборникомъ ея? Чѣмъ болѣе онъ боролся, чѣмъ болѣе сомнѣвался, тѣмъ болѣе долженъ былъ предаться истинѣ, когда наконецъ ея достигъ; если принялъ ее, то принялъ послѣ того, какъ глубоко убѣдился въ ея непреложности. И вотъ, дѣйствительно, предъ нами Августинъ христіанинъ, для котораго истина Христова всего дороже; вотъ онъ пресвитеръ, ревностный служитель истины и, наконецъ, епископъ, остающійся до сего времени высокимъ образцомъ христіанскаго пастыря. Чѣмъ болѣе онъ познавалъ истину, тѣмъ совершеннѣе хотѣлъ

ее ввести въ жизнь. Теперь для насъ понятна его дѣятельность, въ которой мы увидимъ выполненіе требованій христіанской истины, теперь понятенъ для насъ каждый шагъ, каждое его слово; теперь намъ понятны первыя слова его, сказанныя иппонской паствѣ при вступленіи на кафедру. «Эго есть доброе предзнаменованіе для новаго пастыря, говоритъ бл. Августинъ,— что онъ видитъ у овецъ знаки укоренившейся любви къ прежнему пастырю. Они перенесутъ также свою привязанность на меня, которому теперь ввѣрено у нихъ бремя этого званія. Они будутъ слышать мой голосъ, такъ какъ я, Богъ мнѣ свидѣтель, съ помощью Божіею, готовъ даже положить и принести въ жертву свою жизнь за самую незначительную изъ овецъ. Если есть причина для скорби и слезъ, такъ касается она только меня одного, не васъ и не того, при воспоминаніи о которомъ мы поражаемся глубокою тоской. Онъ разрѣшенъ, я связанъ; онъ кончилъ свой путь, я нахожусь на поприщѣ; онъ въ отечествѣ, я нахожусь еще на чужбинѣ; онъ хорошо правилъ кормиломъ; какъ я буду держать его, это еще неизвѣстно; онъ достигъ берега, я борюсь съ волнами; онъ взираетъ съ берега на возмущенное море и бушующія волны, я среди волнъ восклицаю: спаси насъ, погибаемъ! Истинно я говорю: мы погибаемъ, ибо истинно, не только мнѣ, но также и вамъ угрожающая опасность носится надъ моею головой. Ибо безъ васъ я не могу спастись. Гибель вашихъ душъ есть моя гибель. Что потеряно вами для моего Господа, то потеряно на мою отвѣтственность. Я долженъ дать отчетъ: я имѣю не только милосердаго Господина, но и строгаго Судью. Онъ считаетъ ежедневно своихъ овецъ, записалъ ихъ на своихъ рукахъ и требуетъ отъ меня ихъ счета. Когда я не могу отдать Ему отчета, то мнѣ угрожаетъ страшная опасность. Облегчите же вы мнѣ мое бремя, уменьшите вашу любовь ужасную тяжесть, чтобы, съ помощью Божіею, могли найти пажить и пастырь, и стадо, дабы мы упокоились съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ

не будетъ болѣе палить солнце и зной, но гдѣ подѣ сѣнію Господа будетъ радость и прохлада, гдѣ наша печаль премѣнится въ игру на арфѣ и наши слезы въ хвалебную пѣснь» (Bindemann dritt. Band: Der heilige Augustinus. s. 2—3).

Не чувствуется ли уже въ этихъ словахъ все величіе вступающаго на высокій постъ пастыря? Здѣсь мы видимъ сознание Августиномъ своей высокой обязанности, смиреніе, выражающееся въ сознаніи своей немощности къ подъятію этого бремени, любовь къ паствѣ, готовую на самопожертвованіе, надежду на Божественную помощь, на вѣчное упокоеніе въ обителяхъ райскихъ. Уже здѣсь, предъ нами достойный удивленія и соревнованія служитель христіанской истины. Разсмотримъ же самую дѣятельность этого служителя истины, разсмотримъ, какъ выполнилъ онъ долгъ верховнаго христіанскаго пастыря, прежде всего, въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ и вообще отрекшимся отъ міра и посвятившимъ себя на служеніе Богу.

Взоръ блаженнаго Августина, какъ поборника истины, обращался къ тому, сравнительно еще не слишкомъ далекому времени, когда были живы очевидцы и непосредственные служители самой Истины. Какъ уже мы сказали выше, принявъ разѣ навсегда христіанскую истину, Августинъ хочетъ быть хранителемъ этой истины въ первоначальной ея чистотѣ. Приникая мыслію къ образу жизни апостольскаго времени, онъ видитъ, что тамъ «бѣ сердце и душа едина: и ни единѣже что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща» (Дѣян. 4, 32). И вотъ, по примѣру первыхъ христіанъ съ одной стороны, и по образу монастырской жизни, какъ близкаго пособія для подражанія примѣру съ другой, Августинъ устрояетъ у себя въ округѣ такъ называемую каноническую жизнь. Правда, новья, осложнившіяся отношенія его, какъ епископа, не вязались съ монастырскимъ уединеніемъ и спокойствіемъ, которыми онъ пользовался до сего времени въ санѣ пресвитера, тѣмъ не менѣе распорядокъ общинной жизни могъ быть

перенесенъ имъ и привить, по крайней мѣрѣ среди подчиненныхъ ему пастырей церкви. Блаженный Августинъ съ своими клириками образуетъ общество по образу монашеской братіи, и его епископскій домъ превращается какъбы въ монастырь. Было установлено, чтобы духовные, которые, по утвердившемуся на западѣ обычаю, были ктому же безбрачны, отказывались отъ своего имущества. Оно шло въ пользу ближайшихъ родственниковъ или бѣдныхъ, употреблялось для основанія и поддержки благочестивыхъ и благотворительныхъ учреждений; наконецъ, это же имущество вступающихъ въ общинную жизнь клира давало средства для содержанія всей общины клириковъ. Въ отношеніи къ ближайшимъ родственникамъ, какъ ближнимъ наслѣдникамъ клириковъ, Августинъ былъ далекъ отъ того, чтобы устранять ихъ въ интересахъ общины отъ наслѣдства по духовному завѣщанію. Онъ часто высказывалъ по этому поводу такой взглядъ: «когда кто имѣетъ одного сына, то пусть взираетъ на Христа, какъ на другаго; когда кто имѣлъ бы двухъ сыновей, то пусть взираетъ на Христа, какъ на третьяго; когда кто имѣлъ бы десять сыновей, то пусть взираетъ на Христа какъ на одиннадцатаго» (Винд. В. III. 5, 8). И вообще нужно сказать, что Августинъ всегда принималъ во вниманіе наличныя права родственниковъ, когда церковь вступала въ какое-либо наслѣдство. Такимъ образомъ клирикамъ предоставлялась свобода въ раздѣленіи ихъ имущества; но какъ скоро они вступали въ общинную жизнь, то должны были отказаться отъ всякой собственности. Это требованіе поставлено было такъ строго, что Августинъ заранѣе объявилъ: кто изъ клира не желаетъ согласиться на общинную жизнь, того не будетъ опредѣлять ни на какія должности въ клирѣ и даже будетъ лишать должности тѣхъ, которые сначала изъявили свое согласіе на общинную жизнь, и потому снова захотѣли бы перемѣнить свое рѣшеніе.

Самое устройство общины въ Иппоскомъ клирѣ было таково. Духовные Иппона жили вмѣстѣ съ своимъ еписко-

помѣ въ его домѣ, обѣдали за однимъ столомъ и получали изъ общины одежду. Обращаетъ на себя вниманіе отношеніе бл. Августина къ этой послѣдней сторонѣ распорядка клирической жизни, т.-е. къ одеждѣ членовъ общины. Когда Августину были присылаемы со стороны, въ качествѣ подарковъ, матеріи и одежды, то онѣ были употребляемы на общія нужды непосредственно. Если же присылались одежды столь высокаго достоинства, что пресвитеръ или духовный болѣе низкаго чина, не могъ носить ихъ, продавались и вырученные деньги распределялись поровну для удовлетворенія нуждъ всѣхъ членовъ. «Пусть никто, говоритъ Августинъ своимъ пасомымъ,—не даритъ мнѣ чего-нибудь другаго, какъ только то, что дарится всѣмъ вообще; не дѣлайте мнѣ подарковъ, которые назначаются мнѣ для отличающаго меня украшенія. Я долженъ носить такое платье, какое я могу подарить моему брату, когда онъ нуждается въ одѣяніи. Только такую одежду я желаю принять какъ даръ, которую можетъ носить и пресвитеръ, и даже діаконъ, и иподіаконъ, потому что я принимаю ее для общества. Если кто-либо даетъ дорогое одѣяніе, то я продаю его съ тою цѣлью, чтобы, когда это одѣяніе не можетъ быть общимъ, прибыль съ него была для всѣхъ. Итакъ не присылайте слишкомъ дорогихъ одеждъ, ибо я признаюсь вамъ, что чрезъ дорогую одежду причиняется мнѣ стыдъ, потому что она посылается не для образа жизни избраннаго мной, и не для моихъ убѣжденій» (Serm. 356. Bind. s. 9). Тѣмъ не менѣе Августинъ былъ далекъ отъ того, чтобы носить какую-нибудь дурную, обношенную одежду. Его одѣяніе не было пышно, но отличалось простотой, которая не представляла однако несообразности съ высокимъ саномъ Августина, какъ епископа.

Общественный столъ, за которымъ собирались клирики, во главѣ съ своимъ епископомъ, носилъ характеръ умеренности, державшейся середины между излишествомъ и лишеніемъ. Августинъ заботился о томъ, чтобы употребленіе пищи не простиралось далѣе удовлетворенія необ-

ходимой тѣлесной потребности. Съ другой стороны онъ не давалъ цѣны аскетической воздержности, которая требовала бы отъ человѣка отказываться себѣ въ необходимомъ для жизни (Confess. lib. X. c. 31. Possid. c. 22 и 25. Serm. 356. Bind. 9—10). Кушанья за общимъ столомъ состояли, по большей части, изъ овощей; впрочемъ, смотря по состоянію здоровья клириковъ, нѣкоторымъ подавалось и мясо, что бывало также при приемѣ какого-нибудь высокога гостя. Вино подавалось постоянно. Среди трудовъ, которые несъ иппонскій клиръ, и особенно самъ епископъ, вино было необходимымъ подкрѣпляющимъ средствомъ. Впрочемъ, было строго опредѣлено количество бокаловъ вина для каждаго изъ клириковъ во время стола; притомъ вино пили смѣшанное съ водой. Кушанья были подаваемы въ глиняныхъ, каменныхъ и деревянныхъ сосудахъ, но никогда не приносились въ сосудахъ изъ благороднаго металла, какъ это было прежде при епископскихъ столахъ. Ложки однако были серебряныя. Въ общаго стола никому ничего не давалось, исключеніе составляли только больные.

Вмѣстѣ съ умѣренной простою пищею за общимъ столомъ предлагалась клирикамъ и пища духовная. Она состояла или въ чтеніи отдѣловъ изъ книгъ духовнаго содержанія, или въ бесѣдахъ одного, высоко одареннаго и знаменитаго во всей западной церкви мужа. Такъ какъ за общимъ столомъ Августина, славившагося гостепріимствомъ, были и высокопоставленныя свѣтскія лица, то, посему, духовная бесѣда иногда имѣла живой и разнообразный характеръ. Она касалась состоянія церкви, географіи, этнографіи, касалась бурныхъ въ то время мірскихъ событій, за которыми съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ самъ Августинъ. При такой разнохарактерности застольныхъ бесѣдъ, строго однако преслѣдовалась клевета на отсутствующихъ. Надъ столомъ была по этому поводу такая надпись: «если кому нравится хулить отсутствующихъ, то пусть знаетъ, что здѣсь за столомъ онъ недостоинъ своего мѣ-

ста». Это застольное правило такъ заботливо было охраняемо бл. Августиномъ, что, когда однажды дружественные ему епископы пренебрегли этимъ правиломъ, то онъ съ неудовольствіемъ сказалъ: «или должно уничтожить эту надпись, или же я долженъ оставить обѣдъ и отправиться въ свою комнату» (Bind. s. 12). Чтобы обезопасить себя и свою общину отъ дурныхъ толковъ и предупредить возможные искушенія, женщины, несмотря на гостепріимство епископа, за столомъ не присутствовали. Въ отношеніи къ приему женщинъ было установлено правило—не принимать отдѣльно никого никакому клирику. Даже своихъ родственницъ—сестру и племянницу, посвятившихъ себя на служеніе Богу, Августинъ принималъ не иначе, какъ въ присутствіи клира.

Такова была въ общихъ чертахъ общинная жизнь иппонскаго клира. Это не было какое-нибудь аскетическое общество, отказывавшее себѣ въ самомъ необходимомъ, нѣтъ,—это было общество умѣренности, простоты, какую бы сторону этой жизни мы ни взяли. Это не было общество суровыхъ подвижниковъ, подобныхъ восточнымъ, ибо съ одной стороны, восточная строгость была не въ характерѣ западныхъ христіанъ, съ другой стороны, и главнымъ образомъ, бл. Августинъ, при устройствѣ общества клириковъ, имѣлъ предъ очами, какъ мы сказали, болѣе древній образецъ—общину апостольскаго времени, а эта община, какъ, по крайней мѣрѣ, можно видѣть изъ ея исторіи, была общиной простой умѣренности, но никакъ не не аскетизма. Основанная такимъ образомъ на началахъ умѣренности, клирикальная жизнь Иппона имѣла вліяніе на ходъ всей церковной жизни Запада. Общество иппонскихъ клириковъ было духовнымъ заведеніемъ, изъ котораго выходили добрые клирики для другихъ церквей. Часто просили Августина посылать своихъ клириковъ, и вообще всѣхъ воспитанныхъ на началахъ общинной жизни, для замѣщенія пресвитерскихъ должностей и даже епископскихъ кафедръ. Рекомендуемые Августиномъ, обыкновенно въ не-

значительномъ числѣ, клирики Иппона старались завести такой же общинный образъ жизни и въ своихъ епархіяхъ. Правда, въ дѣйствительности эта, такъ называемая, каноническая жизнь имѣла нѣкоторыя слабыя стороны; но нужно замѣтить, что Августинъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы охранить свой клиръ въ чистотѣ; съ другой стороны, что касается высоты своей идеи, то это учрежденіе было высокохристіанское и обнаруживало въ блаженномъ Августинѣ ревностнаго служителя церкви.

Мы сказали, что въ устроенной Августиномъ общинной жизни были нѣкоторыя слабыя стороны. Изъ его клира, изъ общины, находившейся подъ его бдительнымъ надзоромъ, выходили иногда и лица недостойныя. Но приведемъ по этому случаю слова самого Августина въ его письмѣ къ иппонскому народу по дѣлу Бонифація: «пусть я внимателей къ дисциплинѣ моего дома; однако я человекъ и живу между людьми и не могу присвоивать себѣ того, что домъ мой лучше, чѣмъ ковчегъ Ноя, въ которомъ между восемью людьми все-таки нашелся одинъ негодный; или лучше дома Авраамова, гдѣ говорилось: «изгони служанку съ ея сыномъ», или лучше дома Исаака, гдѣ говорилось: «Иакова я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ», или лучше чѣмъ домъ Иакова, гдѣ сынъ осквернилъ ложе отца, или лучше чѣмъ самое семейство Господа Христа, въ которомъ одиннадцать добрыхъ апостоловъ должны были выставить тать и измѣнника Іуду, или, наконецъ, лучше чѣмъ самое небо, откуда пали ангелы. Итакъ если мы опечалены чрезъ собственные сосуды нечестія, то станемъ утѣшаться все-таки чрезъ бѣльшіе сосуды чести» (Ер. 78, Bind. s. 15). Съ другой стороны, для насъ важно то, какъ относился къ темнымъ сторонамъ ввѣренныхъ ему духовныхъ самъ Августинъ, чтобы по характеру этихъ отношеній выяснить характеръ всей его дѣятельности въ подобныхъ случаяхъ. Мы беремъ для примѣра фактъ, касающійся отчасти клира, отчасти монашества. Этотъ фактъ дѣло пресвитера Бонифація. Дѣйствующими лицами явля-

ются здѣсь самъ Бонифацій и монахъ одного монастыря. Однажды пришелъ къ бл. Августину Бонифацій съ жалобой на монаха сосѣдняго монастыря, который будтобы преслѣдовалъ его постыдною страстью. Ужаснувшись предъ такимъ сообщеніемъ, Августинъ призвалъ монаха къ допросу. Монахъ наоборотъ слагалъ вину на пресвитера. Дѣло представлялось теперь въ новомъ свѣтѣ, именно Бонифацій являлся клеветникомъ по отношенію къ монаху, чтобы отмстить ему за отказъ въ удовлетвореніи нецѣломудренной страсти. Дѣло было, слѣдовательно, такого рода, что не было возможности рѣшить его безъ опасности впасть въ погрѣшность, въ пользу того или другаго лица. Правда, въ душѣ Августинъ болѣе склонялся на сторону пресвитера, но положительныхъ данныхъ его невинности онъ не имѣлъ. Долго держалъ Августинъ это темное, соблазнительное дѣло въ тайнѣ. Однако, влѣдствіе дерзкихъ выходовъ монаха, требовавшаго или поставить его въ клирики, или рекомендовать другимъ епископамъ, Августинъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ рѣшился подвергнуть пресвитера и монаха Божьему суду. Именно тотъ и другой должны были отправиться въ одну мѣстность Кампаніи—Нолу, гдѣ былъ гробъ мученика Феликса, прославленный чудесами. Здѣсь устрашающая сила Божія, дѣйствовавшая чрезъ мученика, должна была пробудить нечистую совѣсть и привести къ сознанию виновнаго въ совершенномъ грѣхѣ.

Между тѣмъ, слухъ о такомъ возмутительномъ событіи распространился по Иппону. Августина въ это время не было въ своей епархіи. Его паства, узнавши о такомъ дѣлѣ, возмутилась и особенно недовольна была тѣмъ, что имя Бонифація оставалось невычеркнутымъ изъ списка иппонскихъ клириковъ. О возбужденномъ состояніи паствы извѣстили отсутствующаго Августина близкіе къ нему люди. Кромѣ краткаго отвѣта на это сообщеніе, Августинъ написалъ къ клиру и мірянамъ Иппона посланіе, которое носитъ характеръ истинно пастырскаго посланія. Нѣкоторыя сло-

ва этого посланія мы привели выше. Въ посланіи Августина оправдываетъ свое поведеніе, высказываетъ причину, по которой онъ не желаетъ вычеркнуть изъ списка клириковъ Бонифація, именно онъ страшится предупредить судъ Божій надъ виновниками, преступивъ соборное опредѣленіе, по которому нельзя было кого бы то ни было безъ вины лишать должности, безъ вины, ясно доказанной; внушаетъ и мірянамъ опасеніе, какъ бы не впасть въ этомъ случаѣ въ заблужденіе; какъ добрый пастыръ, даетъ утѣшенія и увѣщанія не гнушаться ради «нагара елея того точила, изъ котораго хранилища Господни наполняются сокровищами свѣтлаго елея» (Ер. 77—78. Vind. s. 15).

Другой фактъ, о которомъ мы намѣрены сказать, печалилъ бл. Августина еще глубже чѣмъ предшествовавшій. Мы разумѣемъ здѣсь дѣло Антонія. Антоній былъ изъ числа чтецовъ, существовавшихъ въ иппонской церкви, которые хотя отправляли нѣкоторыя церковныя обязанности, но не имѣли еще духовнаго посвященія, не были собственно клириками.

Вдали отъ Иппона лежалъ городъ Фуссала. Съ своимъ округомъ онъ принадлежалъ иппонской епархіи, но вслѣдствіе усиленной пропаганды донатистовъ, прервалъ почти всякое общеніе съ православнымъ Иппономъ. Тѣмъ не менѣе Августинъ посылалъ туда пресвитеровъ для поддержанія каѳоличества. Когда, болѣе, правда, вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ правительства, восстановлено было въ Фуссалѣ единеніе, то Августинъ желалъ обезпечить успѣхъ каѳоличества, при помощи твердой церковной организаціи. Самъ онъ, будучи въ то время уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ надлежащимъ образомъ вліять на отдаленный уголокъ своей епархіи. Въ виду того, что въ Фуссалѣ, въ болѣе раннее время былъ епископъ, Августинъ рѣшился учредить тамъ снова епископство, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ уже въ виду способнаго человѣка, именно одного фуссальскаго пресвитера. Положимъ, пресвитеръ отказывался отъ такого высокаго сана; но такъ какъ отка-

зваться при таковыхъ назначеніяхъ было дѣломъ обыкновеннымъ, то Августинъ не придавалъ этому большаго значенія. Онъ обратился къ престарѣлому примасу Нумидіи и просилъ его прибыть въ Фуссалу для посвященія новаго епископа. Старецъ, желая угодить Августину, отправился въ дальнее путешествіе въ Фуссалу, гдѣ ожидалъ его Августинъ. Но что нужно было дѣлать Августину, когда никакія увѣщанія не могли подѣйствовать на отказывавшагося отъ епископскаго сана фуссальскаго пресвитера? Такимъ образомъ выходило, что напрасно старецъ епископъ предпринималъ трудное далекое путешествіе, напрасны были напряженныя ожиданія фуссальцевъ. Въ такомъ положеніи взглядъ Августина остановился на Антоніѣ. Правда, онъ еще не былъ и клирикомъ, но оказывалъ большія способности и подавалъ, по мнѣнію Августина, большія надежды въ будущемъ. Антоній сдѣланъ былъ епископомъ Фуссалы.

Ожиданія Августина, однако, не сбылись. Скоро до него стали доходить жалобы на Антонія, что онъ вель распутную жизнь и производилъ грабежи. Его стремленіе къ господству было невыносимо. Хотя многое изъ обвиненій на Антонія не было доказано, тѣмъ не менѣе можно было видѣть, что образъ жизни его былъ недостойнъ носимаго имъ высокаго сана. Глубоко былъ потрясенъ Августинъ этимъ обстоятельствомъ. Ему живо предносились гибельныя послѣдствія его поступка. Съ глубокою скорбію представляя возможность этого зла для юной церкви, Августинъ хотѣлъ даже отказаться отъ своей должности. Но вопросъ объ Антоніѣ должно было рѣшить такъ или иначе. Августинъ настоялъ на томъ, чтобы Антоній лишенъ былъ управленія діоцезомъ, все же оставаясь въ епископскомъ санѣ. Антоній былъ недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и находилъ въ немъ противорѣчіе. Онъ старался склонить на свою сторону примаса Нумидіи, при помощи котораго и перенесъ свое дѣло на судъ папскаго престола. Бывшій въ это время папа Бонифацій

умеръ, не сдѣлавши по этому дѣлу никакого распоряженія. Когда послѣ Бонифація на папскій престолъ вступилъ Целестинъ, то Августинъ въ письменномъ поздравленіи къ нему излилъ свое скорбное сердце и просилъ, чтобы не дѣлать никакого измѣненія по дѣлу своего бывшего любимца (Ер. 208—209). «Каѳоликовъ изъ Фуссалы, моихъ сыновей во Христѣ, а епископа Антонія, моего сына во Христѣ, поручаю благосклонной милости вашей святости, такъ какъ я обоихъ (тѣхъ и другаго) люблю. Я не сержусь на жителей Фуссалы: они справедливо на меня жаловались, что я не сохранилъ ихъ въ единеніи съ собою, назначилъ незрѣлаго въ годахъ мужа, которымъ они столь сильно были разстроены. Я не хотѣлъ также обидѣть того, дурной личности котораго я противился тѣмъ сильнѣе, чѣмъ искреннѣе была моя любовь къ нему. Посему сдѣлай такъ, чтобы съ одной стороны не блазились каѳолики, съ другой не обременялъ бы себя новымъ преступленіемъ и тотъ (Антоній). А меня, въ чемъ я долженъ признаться твоей святости, при такой опасности обоихъ, постигъ столь великій страхъ и печаль, что думаю удалиться отъ моей епископской должности, если я долженъ видѣть, что чрезъ того, которому я, по своему неразумію, доставилъ епископство, опустошается церковь Божія» (Ер. 209). Целестинъ удовлетворилъ просьбѣ Августина, и Фуссала была снова причислена къ епископской каѳедрѣ Иппона.

Укажемъ на третій и послѣдній фактъ въ общинной жизни иппонскаго клира. Одинъ пресвитеръ по имени Іаннуарій, вступая въ клиръ, объявилъ, что онъ все свое имущество роздалъ бѣднымъ и употребилъ на другія благотворительныя цѣли, кромѣ одной части, которую онъ оставилъ для малолѣтней дочери. Августинъ, повѣривъ этому на-слово, принялъ его въ клиръ. Но вотъ Іаннуарій предъ смертью объявляетъ, что духовной въ пользу дочери онъ не дѣлалъ, и что мнимымъ наслѣдствомъ онъ пользовался самъ, теперь же дѣлалъ наслѣдницей иппонскую церковь. Это смутило и опечалило Августина. Конечно,

должна была пойти недобрая молва по этому поводу. Могло, понятно, явиться подозрѣніе вообще относительно общности имущества. Августинъ повелѣ дѣло открыто. Въ присутствіи своихъ пасомыхъ, онъ обратился къ клирикамъ, прося ихъ, послѣ тщательнаго обсужденія, рѣшить вопросъ: хотять ли они безусловно подчиниться уставу общинной жизни, или нѣтъ. При этомъ онъ сказалъ: «вотъ предъ лицомъ Господа и въ вашемъ присутствіи, я измѣняю свое рѣшеніе; кто желаетъ имѣть собственность и имѣетъ недовольство Богомъ и церковью, тотъ пусть остается тамъ, гдѣ онъ хочетъ, и гдѣ онъ можетъ, я не отнимаю у него званіе клирика. Я не желаю имѣть лицемѣровъ. Дурно (кто не знаетъ этого?) отпадать отъ своего обѣта, но еще хуже то, чтобы вынуждать обѣтъ притворствомъ. Смотрите, я говорю, а вы внимайте тому: кто отходить отъ этой общинной жизни, которая одобрена апостольскою исторіей, тотъ разрушаетъ свой обѣтъ и дѣлается невѣрнымъ своей задачѣ. Онъ можетъ ожидать своего судью, но Бога, не меня. Я выставилъ ему свое опасеніе предъ глазами, онъ теперь можетъ дѣлать что хочетъ» (Bind. 20—21).

По исполненіи извѣстнаго срока, Августинъ объявилъ пасомымъ о результатахъ совѣщаній клириковъ. Оказалось, что всѣ пожелали остаться при Августинѣ на прежнихъ началахъ общинной жизни, при чемъ было обнаружено, что общеніе имущества клириковъ не было только на словахъ, но дѣйствительно: всѣ клирики не имѣли отдѣльной собственности. Такимъ образомъ, поступокъ Іаннуарія былъ исключительнымъ, случайнымъ явленіемъ.

Изъ этихъ, приведенныхъ нами, фактовъ, мы видимъ частіе, какъ относился Августинъ къ клиру. Августинъ горячо принимаетъ къ сердцу все, происходящее среди вѣранныхъ его попеченію. Онъ потрясается глубокою скорбію при всякомъ, болѣе или менѣе, далекомъ уклоненіи его клириковъ отъ того порядка жизни, образецъ котораго свѣтилъ ему изъ времени апостольской исторіи и осу-

щественіе котораго онъ видѣлъ отчасти въ монастырской жизни. Въ одномъ изъ приведенныхъ нами случаевъ Августинъ такъ поражается скорбію, что высказываетъ желаніе отказаться отъ своей должности. Не малодушіе, по нашему мнѣнію, сказывается въ этомъ случаѣ, а ревность Августина о преуспѣяніи церкви Христовой. Еслибы Антонію удался преступный планъ возвращенія на каѳедру, то естественно, что это повлекло бы къ соблазну и гибели только что устроившуюся церковь. И главнымъ виновникомъ гибели сыновъ этой церкви былъ бы Августинъ, поставившій, по неосмотрительности, неиспытаннаго и молодаго человѣка въ высокой санъ епископа къ столь юной еще церкви. Ревность о спасеніи фуссалійской паствы побуждала его жертвовать самимъ собой. Его уму предносилась мысль, что онъ такъ далеко уклонился отъ идеала добраго пастыря, что считалъ лучшимъ отказаться отъ каѳедры. Въ этой ревности о спасеніи ввѣренныхъ душъ Августинъ является справедливымъ и благоразумнымъ судьей, полнымъ любви даже къ падшему и причинившему ему скорбь, предохраняющимъ свой клиръ отъ несправедливыхъ обвиненій, могущихъ служить соблазномъ для мірянъ, осторожнымъ въ исправленіи и очищеніи общинной жизни. Бл. Августинъ, не имѣя опредѣленныхъ данныхъ для обвиненія Бонифація, не соглашается вычеркнуть его изъ списка клириковъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ избираетъ единственно возможный путь къ рѣшенію, основанный на всестороннемъ знаніи человѣческой души. Онъ посылаетъ обоихъ тяжущихся на гробъ мученика. Антонія Августинъ лишаетъ каѳедры и рѣшается, въ случаѣ его возвращенія, самъ отказаться отъ епископскаго сана, но скорбитъ о немъ и любитъ его. По дѣлу Іаннуарія, онъ объясняетъ мірянамъ обстоятельства факта, что было необходимо, и, желая полной искренности клириковъ во взглядѣ на общинную жизнь, объявляетъ, что не насилуетъ ихъ свободы убѣжденій, и чрезъ то благополучно улаживаетъ дѣло.

Каковы были отношенія бл. Августина къ своему иппонскому клиру, таковы же были они и къ духовнымъ лицамъ другихъ епархій. Такъ бл. Августинъ ревностно выступалъ противъ одного иподіакона чужой епархіи—Викторина, открыто проповѣдывавшаго манихейскія воззрѣнія въ Иппонѣ. Этотъ послѣдній самъ явился къ Августину и дерзко спросилъ его, «не хочетъ ли онъ снова возвратить его къ католической церкви?» Августинъ по поводу этого неисправимаго манихея писалъ къ епископу Деверію, примасу той провинціи, къ которой принадлежалъ Викторинъ: «я сильно ужаснулся его обмана подъ личиною священнаго, и наказаннаго выгналъ изъ города». Онъ просилъ Деверія побуждать все-таки заблуждающагося къ раскаянію, но не прежде вѣрить ему, какъ только когда Викторинъ скажетъ объ извѣстныхъ ему другихъ манихеехъ (Ер. 236, р. 249, у Гинцеля (Ginz.) 240).

Съ такою же благоразумною строгостью отнесся бл. Августинъ къ нѣкоторому пресвитеру Абунданцію, котораго обвиняли въ дурной жизни, несогласной съ его саномъ. Не имѣя опредѣленныхъ данныхъ для обвиненія Абунданція, Августинъ удвоилъ свое вниманіе и получилъ вѣрныя доказательства безобразной, развращенной жизни пресвитера. Августинъ удалилъ его отъ должности и написалъ объ этомъ рѣшеніи примасу Ксантиппу: «я ничего иначе не могъ сдѣлать, какъ пресвитера, который такъ провинился, удалить отъ должности пресвитерскаго сана и долженъ бояться когда-нибудь опять довѣрить ему церковь» (Ер. 65, р. 154, Hinz. 240).

Августинъ считалъ для себя долгомъ напоминать своимъ сотоварищамъ-епископамъ объ ихъ обязанности, давалъ имъ совѣты, увѣщанія, и порицалъ ихъ проступки. Такъ онъ порицалъ епископа Павла катаввасскаго за его безпорядочный образъ жизни. «Вотъ я вторично говорю и призову Бога во свидѣтели: еслибы ты такъ желалъ добра себѣ самому, какъ я тебѣ, то давно бы жилъ рожденнымъ во Христѣ и радовалъ бы свою церковь. Я тебѣ уже

писалъ, что ты не только мой братъ, но и мой товарищъ по службѣ... А что я не поддерживалъ съ тобою сношеній, то къ этому нѣтъ никакой другой причины, кромѣ той, что я не могу льстить тебѣ... Далѣе, Августинъ говоритъ о той неисцѣльной ранѣ, которую Павелъ, рожденный имъ во Христа чрезъ Евангеліе, нанесъ своему духовному отцу и всей иппонской церкви. Наконецъ увѣщеваетъ его оставить расточительный образъ жизни, несогласный съ епископскимъ саномъ (Ер. 85, р. 207. Hinz. 234-5).

Въ то время, какъ началось опустошеніе Африки варварами—Вандалами, Аланами и Готами, жестокия притѣсненія и страданія терпѣла отъ нихъ церковь. Въ это трудное время нѣкоторые епископы считали за лучшее жертвовать своею паствой, а самимъ спастись бѣгствомъ. Не такого взгляда держался Августинъ. Этотъ свой взглядъ иппонскій епископъ провелъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ епископамъ Кводвультдею и Гонорату, которые спрашивали его объ этомъ предметѣ. «Союзъ нашей должности и службы, пишетъ онъ,—которымъ соединила насъ съ церковью любовь Христова, чтобы мы не оставляли тѣхъ, которымъ мы должны служить, не можетъ быть разорванъ. Посему, если остается самая незначительная часть народа Божія въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мы находимся, для которой наша служба столь необходима, что безъ нея нельзя быть, то ничего болѣе не остается какъ сказать: пусть Богъ будетъ моя защита и мое благо» (Ер. 288 р. 850. Hinz. 230 s.). На возраженіе Гонората, ссылавшагося на примѣръ ап. Павла, убѣгающаго въ Дамаскъ, Августинъ писалъ, что Павелъ былъ въ исключительномъ положеніи: преслѣдователи искали только его одного. Братья о Христѣ могли замѣнить Павла по отношенію къ вѣрующимъ Дамаска, и отъ удаленія апостола не могло произойти ущерба для паствы, а между тѣмъ жизнь апостола сохранялась для будущей дѣятельности. «Пусть такъ бѣгають изъ одного города въ другой слуги

слова и таинства, если одинъ изъ нихъ особенно отыскивается преслѣдователями, но чтобы всѣ другіе, на которыхъ не простирается преслѣдованіе, не покидали церкви, но доставляли пищу ея рабамъ... Но если для всѣхъ— епископа, священника и мірянъ одинаковая опасность, то тѣ, которые нуждаются въ другихъ, не могутъ быть оставлены тѣми, въ которыхъ они нуждаются... Никто не говоритъ, что служители церкви должны оставаться тамъ, гдѣ болѣе нѣтъ никого, кто бы вправѣ былъ пользоваться ихъ услугами... Если же народъ остается и убѣгаютъ только служители, не есть ли это не что иное, какъ постыдное бѣгство наемниковъ, которые чужды всякой заботы объ овцахъ» (Ер. 288, р. 831. Hinz. 230—31).

Такимъ образомъ, отношенія Августина къ духовнымъ не иппонской епархіи характеризуются тѣми же чертами, какъ и отношенія къ духовнымъ Иппона. Мы снова здѣсь видимъ ревностнаго поборника истины, справедливаго судью, не прежде произносящаго приговоръ, какъ только послѣ обстоятельнаго разсмотрѣнія того, есть ли твердое основаніе и доказательство обвиненій; видимъ строгость, растворенную любовью; видимъ благоразумнаго устроителя и блюстителя спасенія вѣрующихъ.

Послѣ клира особенною любовью и попеченіемъ Августина пользовалось монашество. Самъ Августинъ вступилъ на кафедру изъ монастыря, и въ монастырской жизни видѣлъ путь къ высшему совершенству. По образцу монашеской жизни, какъ мы уже сказали, онъ старался устроить и жизнь клира. Любовь Августина къ монашеству была такъ сильна, что онъ нерѣдко среди заботъ и трудовъ, часто касавшихся обыденныхъ, мелочныхъ предметовъ, душой стремился къ миру и уединенію монастырской жизни. Здѣсь представлялся полный просторъ паренію къ небесамъ, возвышенію духа надъ чувственными склонностями и мелочами мірской жизни (Ер. 48 — Bind. 22). Своею дѣятельностью бл. Августинъ вліялъ на широкое развитіе западнаго монашества. Это вліяніе было столь сильно, что духъ

и имя Августина надолго остались связанными съ монашескими учрежденіями и уставами. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе составленный Августинемъ монашескій уставъ или правила (*Regula ad servos Dei. opp. tom. I.*) Эти правила, которыя должны были служить руководствомъ для мужскихъ и женскихъ монастырей, представляютъ собою указаніе на то расположеніе, которымъ должна быть проникнута монастырская жизнь. Здѣсь мы не находимъ какихъ-нибудь отдѣльныхъ мелочныхъ предписаній, довольно опасныхъ въ томъ отношеніи, что, при ихъ выполненіи, благочестіе можетъ превратиться въ бездушный механизмъ. Обязанность любви къ Богу и ближнему была поставлена цѣлью, предметомъ сердечныхъ стремленій иноковъ въ ихъ распорядкѣ жизни. Любовь къ Богу и любовь братская должна была являть себя въ отреченіи отъ всякой отдѣльной собственности, въ полной общинности жизни и владѣнія. Такъ какъ Августинъ держался того взгляда, что въ монастыряхъ долженъ быть физическій трудъ, то завѣщавается общеніе въ этомъ трудѣ. Дается увѣщаніе къ усердію въ общественной молитвѣ, умѣренности въ пищѣ и питьѣ, смотря по состоянію здоровья. Въ то время, какъ иноки насыщались тѣлесно, имъ должна была предлагаться, какъ въ клирѣ, пища духовная, въ видѣ чтеній изъ священныхъ книгъ, или отеческихъ твореній. Въ правилахъ было предостереженіе отъ высокомерія, которому могли предаться иноки, ведя образъ жизни, пользовавшійся въ то время повсюднымъ уваженіемъ. Особенно къ высокомерію склонны были люди, вышедшіе изъ низшаго сословія. Было въ правилахъ предостереженіе отъ внутренней нецѣломудренности. Въ концѣ преподается благословеніе и увѣщаніе: «Господь даровалъ вамъ, чтобы вы могли исполнить все съ любовью, не какъ рабы подъ закономъ, но какъ свободные подъ благодатію» (*Bind. 24.*)

При своей любви къ монашеству, Августинъ, однако, былъ чуждъ пристрастія къ нему. Онъ не скрывалъ темъ

ныхъ сторонъ монастырской жизни и старался ихъ исправить; и вообще его любовь къ монашеству была разумною любовью. Онъ чуждъ былъ крайностей почитателей и панигеристовъ монашества, которые полагали, что монахи, въ силу только того что они монахи, болѣе другихъ достойны и способны къ занятію церковныхъ должностей. Августинъ говорилъ, что лучший монахъ, если онъ не имѣетъ богословскаго образованія, не владѣетъ административными способностями, не можетъ быть хорошимъ клирикомъ (Ер. 60 — Bind. 24 s.). Онъ говорилъ также: «съ тѣхъ поръ, какъ я началъ посвященную Богу жизнь, едва ли я зналъ лучшихъ людей, какъ были тѣ, которые дѣлали успѣхи въ монастыряхъ на пути спасенія; но также самые худшіе люди, которыхъ я могъ знать, были изъ тѣхъ, которые пришли къ паденію въ монастыряхъ» (Ер. 78, Bind. s. 25).

Мы сказали, что Августинъ не скрывалъ темныхъ сторонъ монашеской жизни, но старался исправить появлявшіяся заблужденія. Таковымъ заблужденіемъ было во многихъ монастыряхъ уклоненіе отъ общиннаго тѣлеснаго труда. Въ этомъ выразилась съ одной стороны лѣность и склонность къ праздничному раздолью, съ другой высокомѣріе, прикрываемое личиною истины. Во многихъ монастыряхъ монахи отказывались отъ физическаго труда, на томъ основаніи, что онъ по ихъ словамъ, недостойнъ того святаго званія, которое они избрали, и только къ духовнымъ дѣламъ хотѣли прилагать свое стараніе. Свой взглядъ монахи основывали на увѣщаніи Спасителя быть подобными въ беззаботности относительно всего земнаго птицамъ небеснымъ и полевымъ лиліямъ. Средства къ содержанію они думали получать отъ тѣхъ, которымъ они будутъ сообщать духовные дары. Что касается изреченій и самой жизни ап. Павла, которыя указывались имъ въ доказательство неосновательности ихъ мнѣнія, то они говорили, что сказанное апостоломъ нужно понимать въ смыслѣ аллегорическомъ. Бл. Августинъ, съ цѣлью исправленія заблуждающихся,

написалъ сочиненіе: «О трудѣ монаховъ» (De opere monachorum), которое представляетъ полное и всестороннее опроверженіе возникшаго заблужденія. Здѣсь Августинъ доказываетъ необходимость тѣлеснаго труда и то, что ему нисколько не препятствуетъ духовная дѣятельность. «Священныя пѣсни, говоритъ онъ, можно воспѣвать безъ труда во время работы и сама работа можетъ быть облегчена чрезъ смѣняющій ее возгласъ благочестиваго пѣнія». Если бы мы не могли прекратить духовныя упражненія, то не могли бы удовлетворять своимъ естественнымъ потребностямъ. Притомъ всѣ ли монахи въ состояніи предаваться духовнымъ упражненіямъ—изяснить Божественное писаніе и давать по нему нужные отвѣты приходящимъ, всѣ ли суть строители таинъ Божіихъ?» Примѣръ апостола Павла, столь много благовѣствовавшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшагося физическимъ трудомъ, служилъ для Августина прочнымъ основаніемъ его взгляда. «Какъ могъ бы апостоль производить работу, говорилъ бл. Августинъ,—когда бы онъ не назначилъ для проповѣданія слова Божія опредѣленныя времена? И это есть лучшее, чтобы все происходило по порядку, прилично времени». Что касается словъ апостола (*не трудивыйся да не ясть*), которыя монахи хотѣли понять въ аллегорическомъ смыслѣ, то объ этихъ словахъ Августинъ могъ сказать только: «я боюсь того, какъ бы не затемнить ясное и понятное само по себѣ, когда бы я пожелалъ изяснить эти слова». Наконецъ Августинъ даетъ здравое изясненіе изреченію Спасителя о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ и тѣмъ подрываетъ главную основу извращеннаго взгляда. «Господь говоритъ то о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ съ тою цѣлю, чтобы кто не подумалъ, что Господь не имѣетъ заботы о нуждѣ своихъ рабовъ. Точно Онъ есть Тотъ, Кто одѣваетъ и питаетъ тѣхъ, которые работаютъ своими руками. Но чтобы жизнь, которая должна быть посвящена Господу, не направлялась на тѣ средства содержанія, какъ на цѣль, которая была бы предметомъ стремленія,—Господь и

напоминаетъ своимъ рабамъ о томъ, чтобы они свои мысли направляли къ Его царству и справедливости». Посему тѣ, которымъ бы приводилось изреченіе о птицахъ небесныхъ и лиліяхъ, могутъ возразить: «когда мы по слабости, или иному занятію, не могли бы работать, то Богъ будетъ насъ питать и одѣвать, какъ птицъ и лиліи, и мы болѣе ихъ; когда же можемъ работать, то не смѣемъ искушать нашего Господа, ибо эта помощь есть также даръ отъ Него» (Bind. 25—32).

Мы рассмотрѣли характеристическія черты дѣятельности бл. Августина по отношенію къ духовнымъ, какъ иппонской епархіи, такъ и другихъ. Разсмотримъ его дѣятельность въ отношеніи къ паствѣ, т.-е. собственно мірянамъ. Отношенія свои къ паствѣ самъ бл. Августинъ отмѣтилъ слѣдующими чертами: «безпокоящихся должно увѣщавать, малодушныхъ утѣшать, слабыхъ поднимать, прекословящихъ на путь истины наставлять, у коварныхъ отнимать возможность вредить, невѣдущихъ научать, лѣнивыхъ возбуждать, сварливыхъ укрощать, гордыхъ смирать, спорящихъ соглашать, бѣдныхъ питать, притѣсняемыхъ освобождать, добрыхъ похвалять, злыхъ терпѣть и всѣхъ любить» (Bind. s. 67). Вотъ та высокая программа дѣятельности, которую держалъ передъ собою бл. Августинъ въ служеніи паствѣ; и это не были только одни слова,—они осуществлялись на дѣлѣ.

Такъ мы видимъ—бл. Августинъ принимаетъ участіе въ обсужденіи гражданскихъ дѣлъ и является посредникомъ и ходатаемъ за обвиненныхъ предъ правосудіемъ. На эту обязанность онъ смотрѣлъ, какъ на требованіе своего положенія и сана. Онъ былъ убѣжденъ, что членамъ церкви естественнѣе и приличнѣе всего обращаться для рѣшенія споровъ къ судейскому посредничеству своего епископа (Serm. 351. Bind. 61). Часто блаженный Августинъ принужденъ былъ принимать обязанность посредника, при чемъ всѣмъ невиннымъ оказывалъ свою помощь. Его посредничества по большей части были успѣшны и принимались римскими чиновниками благосклонно.

Оказывая помощь и покровительство притѣсненнымъ, Августинъ ревностно охраняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, церковное право убѣжища, чтобы во всякое время церковь представляла надежную защиту отъ притѣснителей. Одинъ откупщикъ лѣснаго участка Фавенцій изъ-за страха предъ своимъ хозяиномъ прибѣгнулъ къ иппонской церкви. Здѣсь онъ ждалъ того времени, когда, при посредствѣ епископа, дѣло кончится миролюбиво. Такъ какъ хозяинъ не дѣлалъ, повидимому, ни одного шага къ поимкѣ Фавенція, то послѣдній сдѣлался беспечнѣе, считая себя уже въ безопасности. Однажды Фавенцій отправился къ одному своему другу, но когда послѣ ужина выходилъ отъ него, то былъ схваченъ вооруженною рукой по приказу имперскаго чиновника и уведенъ. Когда Августинъ узналъ о такомъ нарушеніи права убѣжища, то тотчасъ обратился къ начальнику мѣстной стражи съ просьбой о военной помощи, чтобы можно было освободить Фавенція. «Кто бы ни былъ тотъ, съ позволенія котораго схваченъ былъ Фавенцій, онъ и меня, по справедливости, обвинилъ бы, когда я его, въ случаѣ если онъ прибѣгнетъ къ церкви и потерпитъ нѣчто подобное въ нуждѣ и бѣдствіи, оставилъ бы на произволь. Если нужно оставить совершенно въ сторонѣ человѣческое мнѣніе, то что я долженъ сказать нашему Господу Богу и какъ оправдаться, если я не все сдѣлалъ, что могъ, для блага принятаго подъ защиту и кровь церкви, которой я служу» (Ер. 113. р. 325 Hinz. 231)? Когда все было напрасно, даже посольство на другой день пресвитера въ то мѣсто, куда, какъ узнали, былъ отведенъ Фавенцій, то Августинъ просилъ епископа Іаннуарія Сартійскаго (Ер. 115. р. 326) о ходатайствѣ у консула, славившагося неподеушностью и писалъ къ этому послѣднему: «ты сдѣлаешь, конечно, то, что не только неподкупному, но и христіанскому судѣ прилично» (Ер. 116. р. 327 Hinz. 232). Это дѣло кончилось, благодаря настойчивости Августина, счастливо.

Особенно заботился бл. Августинъ о больныхъ, вдовахъ

и сиротахъ. Былъ ли онъ дома, или путешествовалъ по епархіи, всегда поставлялъ себѣ за правило, по первой просьбѣ больныхъ идти къ нимъ, чтобы утѣшить ихъ въ страданіяхъ, призвать имя Господа и возложить на нихъ руки. Что касается вдовъ и сиротъ, то онъ посѣщалъ ихъ и безъ приглашенія (Possid. с. 27. Bind. 62). «Всѣмъ людемъ, говоритъ онъ,—а особенно вдовамъ и сиротамъ церковъ и епископъ должны оказывать помощь» (Ер. 252 Bind. 62). Бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ бл. Августинъ, какъ самъ оказывалъ благодѣянія въ значительной мѣрѣ, такъ побуждалъ къ тому же и своихъ пасомыхъ. Онъ никогда не поставлялъ цѣлю, какъ можно болѣе скопить церковныхъ богатствъ, чтобы они были мертвымъ капиталомъ (Serm. 355. Bind. 62). Напротивъ, что было приобрѣтаемо въ теченіи года, то, кромѣ содержанія клира и поддержки духовныхъ учреждений, раздѣлялось нищимъ, вдовамъ и сиротамъ. Въ употребленіи церковнаго имущества на благотворительныя цѣли, для вспомоствованія бѣднымъ и выкупа плѣнныхъ, Августинъ заходилъ иногда такъ далеко, что допускалъ плавить и продавать нѣкоторые священные сосуды, за что подвергался нерѣдко порицанію со стороны. Но Августинъ, въ этомъ случаѣ, имѣлъ за себя авторитетъ Амвросія медиоланскаго (Possid. с. 24. Bind. 65). Впрочемъ, не должно думать, чтобы церковъ иппонская отъ того бѣднѣла, напротивъ, вслѣдствіе вкладовъ и пожертвованій, церковное имущество при Августинѣ значительно увеличилось.

Щедрою рукой оказывая помощь неимущимъ изъ своего собственнаго и церковнаго имущества, Августинъ побуждалъ къ тому же и свою паству. Онъ увѣщевалъ ее къ вспомоствованію даже въ то время, когда Иппонъ постигли бѣдствія и когда, такимъ образомъ, пасомымъ, какъ говорится, было только самимъ до себя. Находясь въ отсутствіи, Августинъ писалъ иппонцамъ: «миѣ донесли, что вашъ обычай—одѣвать бѣдныхъ, вы забыли. Когда я былъ съ вами, я увѣщавалъ васъ къ оказанію этого милосердія;

и теперь, находясь въ отсутствіи, увѣщаваю васъ, чтобы вы не препобѣждались и не ослаблялись скорбію этого свѣта, на который, вы видите, приходитъ то, о чемъ нашъ Господь и Спаситель, какъ Истина, предсказалъ напередъ. Не только теперь не менѣе, чѣмъ прежде, совершайте дѣла милосердія, но посвящайте себя имъ еще ревностнѣе. Ибо подобно тому, какъ кто видитъ разрушеніе дома, то поспѣшно убѣгаетъ въ защищенное мѣсто, такъ же христіанское сердце, чѣмъ болѣе оно чувствуетъ, что, при увеличивающихся бѣдствіяхъ, приближается конецъ этого міра, тѣмъ болѣе должно превращать земныя блага безъ промедленія въ небесныя сокровища. Тѣхъ, которые даютъ временныя блага, ожидаетъ въ будущей жизни вѣчная радость (Ер. 122—Vind. 63).

Не излишне привести примѣръ благотворительности бл. Августина въ отношеніи къ ссудѣ и возвращенію даннаго займа, благотворительности, которая также внушалась имъ своею паствѣ. Нѣкто Фасцій въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ обратился къ своему епископу съ просьбой о помощи. Такъ какъ Августинъ не имѣлъ требуемой суммы денегъ, то предложилъ просителю сдѣлать сборъ въ приходѣ. Но Фасцій, изъ стыдливости не соглашался. Августинъ не могъ найти никакого другаго исхода, какъ самому занять денегъ и ссудить просившему подъ условіемъ, что если въ извѣстный срокъ деньги не будутъ уплачены, то нужно будетъ просить помощи прихожанъ. Срокъ прошелъ, Фасцій не являлся. И вотъ Августинъ пишетъ (такъ какъ онъ находился въ отсутствіи) къ иппонцамъ слѣдующее: «Такъ какъ Фасцій, за котораго я васъ прошу, сообщникъ нашей вѣры, вѣрующій христіанинъ и нашъ братъ, то дѣлайте безъ отвращенія и негодованія съ радостью то, что повелѣваетъ Господь, ибо вы даете взаимъ Господу, который далъ обѣщаніе, что вы, при вашихъ дѣлахъ милосердія, не понесете урона, но въ тотъ день получите мздовоздаяніе. Знайте, что теперешнее время есть самое лучшее для приобрѣтенія вѣчной жизни. Къ

вашему собору недостающее прибавят пресвитеры, которымъ я писалъ, ибо ваше ли имущество или церковное,— все это есть Божіе, и ваше благочестивое послушаніе пріятнѣе, чѣмъ сокровища церкви, подобно тому какъ и апостоль говоритъ: «я ищу не дара, но плода» (Фил. 4, 17). И такъ, укрьѣните мое сердце, такъ какъ я желалъ бы радоваться на ваши плоды. Ибо вы деревья Божіи, которыхъ Господь, правда, и чрезъ мое служеніе не перестаетъ напоять росой своей благодати» (Ер. 268—Bind. 64 s.).

Душевное спасеніе своей паствы составляло самую первую и главную заботу Августина въ его епископской дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ старался охранить свою церковь отъ вліянія еретиковъ, особенно донатистовъ, которыхъ въ Африкѣ было очень много. Ревнуя о всей паствѣ, Августинъ, въ то же время, заботился и о всей африканской церкви, потрясаемой ересью. Посему онъ часто отлучался изъ своей епархіи для присутствія на совѣщаніяхъ и предсѣдательства на соборахъ. Кромѣ сего, онъ велъ письменныя пренія съ еретиками, писалъ къ нимъ увѣщанія о присоединеніи къ католической церкви. Такъ, обращаетъ на себя вниманіе его письмо (170) къ нѣкоему врачу Максиму. Этого уже престарѣлаго мужа онъ отвлекъ отъ арианства и приобрѣлъ для католической церкви. Августинъ писалъ ему: «мы радуемся, что ты въ наше пребываніе, къ великой радости народа Божія, присоединился къ православной и католической вѣрѣ; для чего же мы опечалены медлительностью твоихъ присныхъ? Милосердіемъ Бога молимъ тебя, да будетъ взята эта печаль отъ нашихъ сердець съ Его помощью. Твой авторитетъ среди семейныхъ долженъ помочь тебѣ въ этомъ. Молись за нихъ и неотступно требуй у нихъ. Непремѣнно введи съ собой въ домъ Божій тѣхъ, которые живутъ съ тобой въ твоемъ домѣ. Мы молимъ Бога, чтобы ты исполнилъ наше требованіе, и мы ожидаемъ отъ Его милосердія, что чрезъ письмо нашего брата Перегринна и чрезъ отвѣтъ твоей любви наше сердце по поводу этого предмета бу-

детъ полно радости и языкъ нашъ полонъ ликованія» (Ер. 611. Hinz. 212—213).

Но аріанская ересь еще не причинила столько вреда ни ишпонской, ни вообще всей африканской церкви. Болѣе губительно было вліяніе ереси, или собственно раскола, донатистовъ. Отмѣтимъ черты дѣятельности Августина противъ донатистовъ, чтобы по нимъ составить представленіе вообще объ его дѣятельности въ этомъ направленіи. Еще задолго до епископства бл. Августина, противъ донатистовъ были издаваемы государствомъ строгіе законы. Эти же законы дѣйствовали и при Августинѣ, только не всюду приводились они въ исполненіе въ интересахъ самой же католической церкви. Не сочувствовалъ въ началѣ этимъ законамъ и Августинъ. Для его высокаго христіанскаго духа представлялось непозволительнымъ всякое другое оружіе противъ раскола, какъ поученіе. Истина церкви казалась ему столь неопровержимою и очевидною, что онъ считалъ раскрытіе ея предъ раскольниками самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ прекращенію раскола. Посему онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы въ частномъ сношеніи раскрывать раскольникамъ истину. Понятно, что чрезъ это Августинъ долженъ былъ вступать въ частые споры съ донатистами, что дѣйствительно отвѣчало его стремленіямъ. Августинъ употреблялъ даже всевозможныя усилія, чтобы побудить начальниковъ донатистовъ къ общему взаимному совѣщанію о спорныхъ вопросахъ. Но попытки не имѣли успѣха. Донатисты отговаривались тѣмъ, что не желаютъ давать случая для побѣды его діалектикѣ, въ которой они не могутъ съ нимъ соперничать (*Contra Petil.* III, 19; с. *Csescon.* 1, 16, по Робертсону II т. стр. 46. 1878. Москва). Иногда же употребляли, въ качествѣ отказа, дерзкое выраженіе, что дѣти мучениковъ не снизойдутъ до того, чтобы толковать съ грѣшниками и предателями (*Ad. Donat. post. Collat.* 37. Робертс. т. II, стр. 46). Несмотря, однако, на это, частные случаи обращенія все-таки были, благодаря кротости

и благоразумной дѣятельности африканскихъ епископовъ. Противъ этого успѣха каеолической церкви вооружились закоренѣлые донатисты, и чтобы воспрепятствовать дѣятельности каеоликовъ, подкупили циркумцелліоновъ. Циркумцелліоны,—это была многочисленная и развратная шайка людей, которая ходила всюду съ своими противогосударственными внушеніями и тѣмъ, которые не хотѣли слѣдовать ихъ взглядамъ, наносила вредъ или имъ самимъ или ихъ имуществу. Циркумцелліоны опустошали поля и деревни, и не боялись также пролитія крови (Possid. 1 с. р. 263. Hinz. 214). Болѣе всего, конечно, терпѣла отъ циркумцелліоновъ православная церковь; но ихъ неистовству бл. Августинъ хотѣлъ противопоставить христіанскую любовь, думалъ дѣйствовать противъ нихъ и донатистовъ въ духѣ кротости и миролюбія. Но это нисколько не помогло. Дѣло дошло до того, что самъ Августинъ едва избѣжалъ засады, устроенной ему циркумцелліонами; въ другихъ же мѣстностяхъ епископы подверглись истязаніямъ. Въ виду этого африканскій соборъ 404 г. рѣшился просить у императора Гонорія о примѣненіи прежнихъ строгихъ законовъ къ донатистамъ. Донесенія о злодѣйствахъ и явные слѣды ихъ на явившихся ко двору страдальцахъ побудили правительство къ принятію болѣе крутыхъ мѣръ, чѣмъ тѣ, которыя имѣло въ виду соборное прошеніе. Когда же донатисты жаловались потомъ на преслѣдованія каеоликовъ и вообще на ихъ поведеніе, тогда это поведеніе церкви было защищено Августиномъ. «Вы терпите преслѣдованіе, пишетъ онъ,—обдумайте прежде все, что вы говорите, потому что вы, при столь страшныхъ законахъ каеолическаго императора, совершенно спокойно владѣете своимъ собственнымъ и чужимъ имѣніемъ, между тѣмъ мы терпимъ отъ васъ неслыханное зло. Вы говорите, что вы терпите преслѣдованія, а развѣ не наши дома вашими наемниками разграблены и разрушены? Вы говорите, что терпите гоненія; а наши глаза вашими солдатами ослѣплены известью и кислотой» (Ер. 88. р. 217. Hinz. 215 s.). Послѣ

сего Августинъ ясно показалъ: кто были преслѣдователи и кто преслѣдуемые; доказалъ, какъ далеки были православные отъ того, чтобы платить зломъ за зло. Вся забота Августина была направлена на то, чтобы возвратить этихъ вооруженныхъ преслѣдователей въ лоно католической церкви. «Если кого мы лишаемъ свободы, говоритъ онъ,—то охраняемъ тѣхъ отъ обиды съ величайшею любовью и представляемъ и прочитываемъ имъ все, что побѣждаетъ заблужденіе. И если которые познаютъ очевидность истины и красоту мира, то мы принимаемъ ихъ въ общество вѣрныхъ, въ общество любви Св. Духа и тѣла Христова» (Hinz. 215).

Но и противъ такого поведенія католической церкви до-
натисты снова протестовали. Они говорили, что ихъ при-
нуждаютъ къ принятію католичества. Донатистамъ предла-
гали обдумать не то, что они принуждаются, а къ чему они
принуждаются—къ добру или злу (Ер. 93. р. 237. Hinz. 217).
Донатисты возражали, что никто не смѣетъ принуждать
даже и къ добру, такъ какъ Богъ далъ людямъ свободную
волю и потому неумѣстно принуждать и къ добру. Авгу-
стинъ самъ, въ началѣ своей дѣятельности, какъ мы ви-
дѣли, не хотѣлъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ,
но потомъ опытъ жизни заставилъ его измѣнить свой
взглядъ. Нужно обратить вниманіе на то, что много было
такихъ донатистовъ, которые, по своему убѣжденію, гото-
вы были принять католичество, но только удерживались
отъ рѣшительнаго шага нежеланіемъ непріятности отъ дона-
тистовъ и старыми привычками. Многіе просто безразлично
смотрѣли на вѣроисповѣдныя разности и оставались въ
донатизмѣ потому, что родились въ немъ и не были по-
нуждаемы со стороны къ принятію православія (Ер. 93, р.
238. Hinz. 217). Въ виду всего этого Августинъ нѣсколь-
ко измѣняетъ свой взглядъ тѣмъ болѣе, что находитъ
подтвержденіе сему въ священномъ Писаніи. Донатисты,
какъ мы сказали, ратовали за свободу воли; Августинъ
пишетъ: «кто не знаетъ, что человѣкъ осуждается за
грѣхъ злой воли и спасается, если онъ имѣетъ добрую

волю? Тѣмъ болѣе не должно предоставлять злой волѣ тѣхъ, которыхъ любятъ, но въ силу заповѣди удерживать отъ зла и принуждать къ добру». Обращеніе апостола Павла, котораго Господь не допустилъ до исполненія его злаго намѣренія въ отношеніи къ христіанамъ Дамаска. служило нагляднымъ примѣромъ принужденія злой воли. «Если злую волю должно предоставлять самой себѣ, то для чего осуждаются безпечные пастыри и имъ говорится: «заблуждающуюся овцу вы не призвали и потерянную не отыскиали? Вы овцы заблудшія, а мы, какъ добрыя пастыри, призываемъ васъ во дворъ овчій» (Ер. 173, р. 613. Hinz. 218 s). «Дѣйствованіе церкви, продолжаетъ Августинъ, никоимъ образомъ не направляется противъ требованія христіанской любви, ибо не всегда тотъ, кто падитъ, есть другъ, и не всегда тотъ, кто наноситъ удары, есть врагъ. Полезнѣе получить отъ друга раны, чѣмъ предупредительные поцѣлуи врага. Лучше быть строгимъ и любить, чѣмъ кроткимъ и обманывать. Кто вяжетъ сумасшедшаго и съ усиленіемъ будитъ погруженнаго въ глубокой сонъ, для обоихъ тотъ несносенъ, но обоихъ любить. Кто можетъ любить насъ болѣе Бога? Но и Онъ не перестаетъ не только кротко вразумлять, но и спасительно устрашать» (Hinz. 219).

Такъ искусно и умно бл. Августинъ защищалъ принудительныя мѣры церкви. Несмотря, однако, на эти мѣры, несмотря на дѣйствіе императорскихъ законовъ, донатисты оставались въ расколѣ. Принудительное обхожденіе донатисты объясняли въ томъ смыслѣ, что православная церковь не въ силахъ убѣдить въ истинности и справедливости своего ученія и посему прибѣгаетъ за помощію къ свѣтской власти. При такомъ положеніи дѣла, Августинъ сталъ заботиться о томъ, чтобы добиться, во что бы то ни стало, открытаго изслѣдованія спорныхъ вопросовъ. Одно публичное совѣщаніе могло рѣшить дѣло въ пользу католической церкви. Такъ какъ вызовы Августина на публичное состязаніе донатистовъ оставались напрасны, то, по

старанію Августина, послана была просьба къ императору Гонорію, созвать донатистовъ на совѣщаніе. 1-го Іюля 411 г. назначень былъ соборъ, на которомъ одинъ изъ видныхъ, ревностныхъ борцовъ противъ донатизма былъ конечно Августинъ. Благодаря, главнымъ образомъ, Августину вопросъ какъ догматическій, такъ и историческій по дѣлу донатистовъ, былъ рѣшенъ въ пользу православныхъ и противъ донатистовъ. Самъ же Августинъ составилъ и краткій обзоръ соборныхъ совѣщаній и рѣшеній противъ донатистовъ, которыя потомъ и были обнародованы. Цѣль изданія этого краткаго обзора соборныхъ совѣщаній и рѣшеній была та, чтобы всѣ донатисты могли познаться съ ходомъ дѣла и результатомъ совѣщаній; что было бы затруднительно особенно для малограмотныхъ, когда бы они стали читать самые акты собора. Сначала Августинъ опровергаетъ распространившійся среди донатистовъ слухъ, будто третейскій судья, императорскій чиповникъ Марцелинъ, былъ подкупленъ православными. Изображаетъ распорядокъ совѣщаній: выбрано было по семи человекъ для состязанія съ той и другой стороны, по семи совѣтниковъ, съ которыми состязатели могли совѣщаться въ крайнемъ случаѣ. Кромѣ того, было избрано по четыре епископа для просмотра подлинности донесеній и документовъ. «При столь большомъ стараніи, пишетъ Августинъ,—условлено было то, что мы и они (донатисты), равно какъ и предсѣдатель, должны были подписать свои слова, дабы никто не могъ сказать, что что-нибудь поддѣлано позднѣе. Никакой отговорки болѣе не остается; слишкомъ ожесточены, бѣсовски озлоблены сердца тѣхъ людей, которые противодѣйствуютъ такому доказательству истины. Ваши епископы, собравшись въ значительномъ количествѣ, не хотѣли вести борьбу, думая, что они превосходятъ числомъ нашихъ епископовъ. Для чего это? Они знали, какъ дурно ихъ дѣло и не могли сомнѣваться, что они легко могли быть побѣждены. Дѣйствительно, они должны

были уступить намъ послѣ того, какъ имъ были представлены доказательства Писанія, что наша католическая церковь есть прямое продолженіе апостольской церкви. Что они не имѣютъ ничего противъ церкви, они ясно сознались, а въ этомъ заключается наша очевидная побѣда. Ибо если они уважаютъ церковь, съ которою мы точно находимся въ единеніи, а они не находятся, то тѣмъ свидѣтельствуютъ, что они давно уже побѣждены и вамъ, если вы хотите быть мудрыми, даютъ возможность судить, отъ кого вы должны отстать и кого держаться. Итакъ кто отдѣлился отъ этой католической церкви, напрасно думаетъ, что онъ живетъ похвально: нѣтъ, изъ-за того преступленія, что онъ отдѣлился отъ единства Христова, онъ не будетъ имѣть жизни и гнѣвъ Божій будетъ пребывать на немъ. Но кто живетъ правильно въ церкви, тому нисколько не вредятъ чужіе грѣхи, такъ какъ каждый, какъ говоритъ апостоль, носить на себѣ свою собственную тяжесть и если кто въ ней недостойно вкушаетъ тѣла Христова, тотъ ѣсть и пьетъ судъ для себя. Эта безвредность чужихъ пороковъ для людей безпорочныхъ доказана ясно свидѣтельствами писанія, съ чѣмъ согласились и ваши братья, согласились, что дѣло Цецеліана не могло причинить никому никакого вреда. Чего хотите вы еще болѣе? Со всѣми приведенными нами доказательствами они согласились и скрѣпили своимъ подписомъ» (Ер. 141, р. 456—61. Hinz. 220—23).

Послѣ того, какъ Августинъ въ ясныхъ, но краткихъ словахъ, изобразилъ ходъ преній на соборѣ, онъ увѣщаетъ донатистовъ присоединиться къ православной церкви, въ которой одной возможно спасеніе. Соборная побѣда православной церкви, сдѣлавшаяся извѣстною всѣмъ чрезъ краткій обзоръ соборныхъ дѣяній Августина, и увѣщанія къ присоединенію не остались безъ благотѣльныхъ послѣдствій. Притомъ на соборѣ было объявлено православными, что духовныя лица коль скоро перейдутъ изъ донатизма въ католическую церковь, то оставлены бу-

дуть въ занимаемыхъ ими доселѣ должностяхъ. Въ виду всего этого, множество донатистовъ обратилось въ православіе.

Такимъ образомъ, какъ мы могли видѣть изъ краткаго обзора донатистическихъ споровъ, Августинъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, способствовавшихъ искорененію раскола. Какъ мудрый пастырь, онъ употребляетъ всевозможныя средства для возвращенія заблудшихъ. Онъ начинаетъ съ поученія, съ раскрытія истины предъ глазами заблудшихся, жестокости противниковъ противопоставляетъ христіанскую любовь и только когда эти средства остаются напрасными, онъ прибѣгаетъ къ принужденію, имѣя опору, какъ въ священномъ писаніи, такъ и въ опытѣ жизни. Но когда поведеніе католической церкви возбуждаетъ негодованіе и порицаніе истины со стороны донатистовъ, то Августинъ настаиваетъ на соборномъ совѣщаніи, чрезъ которое даетъ полное торжество православной церкви и возвращаетъ множество донатистовъ на истинный путь. Плодотворная дѣятельность Августина была еще въ то время оцѣнена какъ православными, такъ еретиками, конечно тѣми и другими различнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слова Іеронима въ письмѣ къ Августину: «Во вселенной ты прославляешься; католики почитаютъ тебя блюстителемъ древней вѣры и удивляются и, что служить признакомъ величайшей славы, всѣ еретики проклинаятъ» (Ер. 195, р. 730. Hinz. 224. s.).

Борьба съ донатистами, пелагианами и другими еретиками часто заставляла Августина отлучаться изъ ввѣренной ему иппонской церкви. Но, какъ уже мы сказали, ратуя противъ еретиковъ, Августинъ заботится прежде всего объ охраненіи и исправленіи своей церкви; притомъ и вдали отъ паствы онъ не переставалъ удовлетворять ея постояннымъ насущнымъ потребностямъ и запросамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество писемъ и посланій Августина къ своей паствѣ по предметамъ разнаго рода. И

вдали мысль о своей непосредственной паствѣ всюду слѣдовала за нимъ. «Постоянно, пишетъ онъ въ Иппонъ, — духомъ я съ вами» (Ер. 268), и въ другой разъ: «вы не сомнѣвайтесь, что я въ духѣ и чувствѣ сердца никогда не могу удалиться отъ васъ. И я болѣе чѣмъ вы опечаленъ тѣмъ, что по немощи я не могу заботиться о всѣхъ столько, сколько требуютъ отъ меня члены Христовы, которымъ я долженъ служить въ страхѣ и любви Христовой. Вы знаете, что мое отсутствіе не вызывается моимъ прихотливымъ желаніемъ, но нуждою и спасеніемъ церкви. Ведите же только себя такъ, чтобы, прихожу ли я и вижу васъ или отсутствуя слышу о васъ, вы пребывали въ единомъ духѣ и единомысленно вмѣстѣ съ нами боролись за вѣру во Евангеліе» (Ер. 122. Bind. 68 s.).

Въ заключеніе краткой характеристики епископской дѣятельности бл. Августина, скажемъ нѣсколько словъ объ его сочиненіяхъ. Если послѣ всѣхъ трудовъ Августина на благо иппонской и всей африканской церкви, обратить вниманіе на количество и содержаніе изданныхъ имъ сочиненій, то его дѣятельность изумляетъ колоссальностію. Когда, при концѣ своей жизни, Августинъ хотѣлъ подвергнуть свои произведенія пересмотру и критикѣ, то оказалось, что численность его трудовъ простиралась до 93 сочиненій въ 232 книгахъ. При этомъ не входили въ счетъ его бесѣды и письма, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли даже характеръ диссертаций (Ер. 224. Bind.). Изъ его трудовъ особенно обращаетъ на себя вниманіе сочиненіе «О градѣ Божіемъ». Это сочиненіе уже одно составляетъ величайшую заслугу, которою обезсмертилъ себя Августинъ. Но и о прочихъ твореніяхъ бл. Августина должно сказать, что удивленіе возникающее при бѣгломъ взглядѣ на ихъ количество возрастаетъ при разсмотрѣніи внутренняго содержанія ихъ. Здѣсь мы видимъ обширную начитанность Августина, всестороннее образованіе, слѣды глубокихъ изслѣдованій и размышленій и наконецъ, гениаль-

ность творческой силы. Не смотря на свое слабое здоровье, несмотря на свою раннюю старость, Августинъ не прекращалъ своей авторской дѣятельности. Онъ никогда не жаловался на тяжесть работы и мало говорилъ о ней. Однако, изъ вѣкоторыхъ выраженій въ его твореніяхъ видно, сколь великій трудъ принималъ Августинъ и какова была преданность его своему дѣлу (Ер. 36. Bind. 71). Онъ работалъ днемъ и ночью (Possid. с. 24. Ibid.). «Еслибы я, пишетъ Августинъ къ трибуну Марцеллину,—могъ дать тебѣ отчетъ въ моихъ дневныхъ и ночныхъ работахъ, то ты сострадательно удивился бы множеству тѣхъ дѣлъ, которыя занимаютъ меня» (Ер. 139. Ibid.). Уже въ послѣдніе годы своей жизни Августинъ иногда былъ занятъ одновременно двумя сочиненіями. Для обработки одного онъ назначалъ извѣстные часы дня, для другаго часы ночи, насколько, конечно, позволяли ему этотъ распорядокъ другія дѣла (Ер. 224. Bind. 72). Для того, чтобы посвятить себя всецѣло пересмотру и исправленію своихъ сочиненій, дѣлу проповѣди, и чтобы предупредить возможные церковные безпорядки послѣ своей смерти, бл. Августинъ избралъ, съ согласія всей иппонской церкви, себѣ помощника, даровитаго пресвитера Ираклія. Ему были переданы административныя дѣла епархіи и только въ важныхъ дѣлахъ онъ долженъ былъ обращаться за совѣтомъ къ епископу. Но не долго, искавшій свободы для высшей духовной дѣятельности, старецъ могъ пользоваться спокойствіемъ труда. Вскорѣ Африку постигли бѣдствія войны, вызванныя бурнымъ переселеніемъ народовъ. Въ самую Африку проникли Вандалы и совершали обычныя опустошенія. Среди этихъ бѣдствій, не переставая съ совѣтами и ободреніями обращаться къ вѣрнымъ африканской церкви, Августинъ скончался мирно на рукахъ близкихъ ему друзей (430 г.). Почти около этого времени пришли къ бл. Августину послы съ приглашеніемъ отъ восточнаго императора на вселенскій соборъ, но они должны были возвратиться съ печальнымъ извѣстіемъ о смерти столь великаго мужа.

Мы разсмотрѣли дѣятельность бл. Августина, какъ епископа, въ отношеніи къ духовнымъ какъ Иппона, такъ и другихъ церквей, въ отношеніи къ его собственной паствѣ и паствѣ всей африканской церкви; видѣли, хотя поверхностно и вскользь, дѣятельность его какъ писателя, и не можемъ не придти къ признанію величія и благотворности этой дѣятельности. Благо церкви и слава Божія— вотъ та высокая цѣль, къ достиженію которой стремился Августинъ въ своей епископской дѣятельности. Для успѣха въ этомъ отношеніи онъ старался неуклонно слѣдовать требованіямъ той христіанской истины, которая стояла бл. Августину въ его состояніи дохристіанскомъ такой душевной борьбы и сомнѣній. Эта истина требовала единенія, братскаго общенія членовъ церкви, и вотъ Августинъ устраиваетъ общинную жизнь въ клирѣ и заботится о поддержаніи и охраненіи ея; истина требуетъ любви, и онъ любитъ всѣмъ сердцемъ даже тѣхъ, которые причиняли ему печаль; истина требуетъ справедливости, и онъ оказываетъ ее всюду, несмотря ни на какія препятствія; она требуетъ умѣнья избирать самыя дѣйствительныя средства ко спасенію и устроенію паствы, и онъ то прибѣгаетъ къ увѣщанію и кротости, то къ мѣрамъ строгости и понужденія. Ревность о благѣ церкви была господствующимъ началомъ его дѣятельности,—и примѣшивались ли къ этому въ душѣ Августина какія-нибудь эгоистическія побужденія, остается тайной, извѣстною одному Богу. Для насъ же личность Августина, какъ епископа, всегда останется высокимъ образцомъ добраго пастыря.

Димитрій Минервинъ.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**